

Воспоминания
об отце Гаврииле

Воспоминания об отце Гаврииле

Посвящается 25-летию со дня преставления

преподобного отца Гавриила,

исповедника и юродивого

Тбилиси
2022

Печатается по благословению
Митрополита Чиатурского и Сачхерского
Даниила

Книга подготовлена в Чиатурском Мгвимском
монастыре святой Екатерины

Перевод с грузинского
Аны Пачуашвили и
Кирилла Черноризова

От переводчиков

Эта книга – живые воспоминания четырёх матушек из монастыря Мгвимеви (г. Чиатура, Грузия) о святом Гаврииле (Ургебадзе), а точнее – о жизни отца Гавриила в монастыре Самтавро. В свое время игумения Параскева и монахини Афанасия, Нино и Аглайда пришли в этот монастырь как раз в то время, когда там жил отец Гавриил (об этом подробнее читайте в главе 4). Они провели вместе более 4 лет, после чего по благословению Патриарха Илии Второго матушки переехали восстанавливать другой монастырь, Мгвимеви, в городе Чиатура, который их трудами расцвел в полнокровную обитель.

Книга воспоминаний была написана в 2020 году к 25-летию преставления святого Гавриила.

Помимо святого Гавриила в книге много воспоминаний и о других духовных лицах Грузинской Православной Церкви и, в частности, о Святейшем и Блаженнейшем Патриархе Илии Втором.

Мы рады познакомить российских читателей с этими воспоминаниями. Верим, что для многих они раскроют новые стороны жизни святого Гавриила.

*Ана Пачуашвили
Кирилл Черноризов*

Предисловие

Сложно написать что-то о такой личности, каким был один из выдающихся святых нашего времени отец Гавриил, исповедник и юродивый. Ещё более сложно это для нас, – людей, которые, видя святого Гавриила воочию, не понимали и не ценили его. И все же, мы решились на этот шаг, так как все эти годы люди, узнав, что мы были знакомы с отцом Гавриилом, постоянно спрашивали о нём, просили рассказать какие-либо связанные с ним истории, некоторые просили записать их. И мы решили, с одной стороны не отказать в этих просьбах, и с другой – выразить таким способом почтение нашему любимому святому.

В повествовании язык отца Гавриила мы постарались оставить неизменным, ведь именно его необычные словечки так украшали его речь, когда он юродствовал. Просим прощения за возможные неточности и ошибки. Старец Гавриил был очень простым и непосредственным в общении, вот и мы, также просто и без прикрас постарались передать всё то, что запечатлел в наших сердцах великий и дивный во святых, ангелоподобный Гавриил, Исповедник и Юродивый.

*Игуменья Параскева с сёстрами
Монастырь св. Екатерины, Мгвимеви, Чиатура*

«Без Христа всё — ничто»

Святой Гавриил
исповедник и Христа ради юродивый

ГЛАВА 1

Игуменья Параскева

«Гавриила святого славно почитим»

Вместо вступления

Когда в нашем монастыре пошла речь о том, чтобы каждая из заставших отца Гавриила сестёр должна записать все свои воспоминания о нём, я сперва отказалась, так как записывать было нечего. К моему сожалению, тогда, при жизни отца Гавриила, я не ценила его, и не могла вспомнить ничего такого, что стоило бы записать. Сёстры рассказывали разные истории, вспоминали его чудеса, пророчества, а я ничего важного вспомнить не могла. В конце концов, духовник нашего монастыря прямо благословил всех написать хоть что-нибудь. Что оставалось делать... я тоже начала писать по послушанию и попутно молилась отцу Гавриилу: «Отец Гавриил, прошу, помоги вспомнить и написать что-нибудь, — сама я ничего не могу!»

И вот так, мало-помалу, начала; потихоньку пошли воспоминания, и на память пришло многое. Некоторые из воспоминаний казались незначительными, пустяковыми, так что казалось, их не стоило записывать, но всё-та-

ки я не пропустила ничего, так как сегодня всё, что напоминает о нём, — для меня очень ценно и дорого. В этих воспоминаниях отец Гавриил оживает и по-прежнему греет нас своей безмерной любовью. Эти воспоминания я нанизала, как жемчужинки, в одно дорогое ожерелье и преподнесла нашему незабвенному и неповторимому старцу как малое благодарственное приношение.

«Отец Гавриил пришел!»

Впервые старца Гавриила я увидела в старом малом Соборе Пресвятой Троицы в Тбилиси, примерно в 1985 году. Помню, свечница радостно воскликнула:

— Отец Гавриил пришел!

Я повернулась и увидела странно одетого священнослужителя, — он не был похож на других батюшек. В руках держал посох, словно он был с долгого пути; на голову надета странная шапочка, похожая на чепчик новорожденного, с «ушками»; лицо у него сияло, и все, кто к нему подходил, с любовью получали благословение. Вот и всё.

Следующая встреча ждала меня в Самтавро зимой 1988 или 1989 года. Её детали я уже не помню, — это случилось через 2 или 3 месяца после нашего прихода в монастырь, и была неожиданной. Снова прозвучали эти слова:

– Отец Гавриил пришел!

Но тогда мне уже объяснили, что это был монах, и не просто монах, а большой подвижник, юродивый, имеющий дар пророчества. В 12 лет он ушел из дома, и с тех пор служит Богу. Помню, тогда своим появлением он принес нам большую радость.

Это был пожилой монах среднего роста и весьма приятного вида. Уже одна его внешность порождала в тебе странное чувство то ли интереса, то ли почтения. Казалось, что встреча с ним сулила нечто новое и хорошее. Если же его взгляд пересекался с твоим, он словно притягивал к себе. Его глаза сверкали таким огоньком, а на лице играла такая улыбка, что между вами сразу устанавливалась какая-то связь. Если же он обращался к тебе лично и заговаривал, то всё — ты окончательно становился его «добычей».

Таким вошёл в мое сознание старец Гавриил, таким я приняла его и уверовала в его святость, и таким он остался для меня до временне.

Каким был старец Гавриил?

Нас часто спрашивают: каким был старец Гавриил? На этот вопрос найти ответ так же сложно, как и постараться словами выразить, что такое смирение. Отец Гавриил был олицетворением смирения — вот что можно сказать.

Можно попытаться перечислить факты, свидетельствующие о его смирении: что он сказал, как поступил, — всем этим составили бы новый патерик, но старец Гавриил и безо всяких фактов, без слов и поступков, уже сам по себе был смирением. Вся его внешность выражало кротость и смирение. Когда он не юродствовал, был совершенно неприметным. Можно было пройти мимо, и не заметить его. А заметив, поражало то, как он сидел, стоял, ходил. Вся его сущность была пронизана, пропитана смирением. В полной мере это невозможно передать словами. Слава Богу за то, что его образ до сих пор чётко стоит у меня перед глазами, и сегодня могу хоть немного восстановить из того, на что я смотрела, но не видела; слышала, но не могла услышать.

И это — только его внешность. А если заглянуть в глаза, сразу же чувствовалось исходящая из них сила, которая не пугала, а, наоборот, успокаивала и наполняла надеждой. Таких выразительных, глубоких, бездонных глаз, такого смиренного взгляда, я не встречала ни у одного человека на свете. Когда он говорил, охватывало чувство, что этот человек прибыл из далёких веков, говорил из какого-то другого мира. Но удивительнее всего было то, что он всегда оставался незаметным. Внезапно исчезал, куда-то девался, его нигде не было видно, но потом выяснялось, что он никуда не ушёл, был там же, неподалеку от своей башни, или где-то рядом с тобой.

Как мы знаем, отец Гавриил был одарён многосто-

ронне: видел прошлое, будущее и настоящее, мог читать помыслы людей, был Богоносный, исцелял больных и совершал много чудес. Но мне кажется, что его величайшим даром было смирение, и удивительно было то, что это смирение переполняло всё его тело. Тем удивительным был контраст: он мог так кричать, что вокруг всё просто сотрясалось, мог устроить в монастыре грандиозный скандал и переполох, но спустя секунду словно перевоплощался, «уменьшался на глазах», так, что можно было его вообще не заметить, даже находясь рядом. Наверное, это и есть то самое евангельское смирение сердца, о котором говорит Спаситель: «Научитесь от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем».¹ Видно, старец дословно, досконально усвоил эту заповедь и исполнил её.

Что ещё сразу бросалась в глаза, так это его любовь. Отец Гавриил был человеком, безгранично любящим Бога и людей. Точнее, он сам был любовью. Вся его жизнь была любовью и служением ближним. Я даже задавалась вопросом: отец Гавриил любил ближних, как самого себя, или ещё больше?

Он не раз говорил: после смерти я останусь нетленным. Все, кто запомнили эти слова, наверное, остались разочарованы в день обретения его мощей: в могиле покоились лишь кости. Но отец Гавриил был бы не отцом Гавриилом, если бы его слова не сбылись. Произошло

¹ Матф 11,29

чудо: в этом святом скелете оказывается скрывалось его нетленное сердце. На самом деле, старец Гавриил и был сам одно большое сердце.

Это было сердце, которое всю жизнь горело любовью к Богу; сердце, в котором ничего своего не оставалось – оно полностью принадлежало Господу; это было сердце, которое непрерывно билось для ближнего... разве возможно, чтобы истлело сердце, в котором пребывал сам Христос?

Сегодня это святое сердце покоится в его Раке, как немой свидетель того, что смерти нет. Он как будто бьётся, как и раньше; горит любовью к Богу и к ближнему и вновь взывает: «Истина – в бессмертии души!»

Странный пьяница

Что ел старец Гавриил?

Я часто видела его за столом, но никогда не видела, чтобы он ел.

Во что он был одет?

В настолько старый и рваный подрясник, что никто из нас его никогда не надел бы. Бросишь его на дорогу – ни один прохожий даже не взглянет.

Где он жил?

Сначала в курятнике. Это был дощатый сарай на ножках, причем между досками были такие большие зазоры,

что можно было свободно просунуть палец. Внутри было невозможно встать в полный рост. Зимой, когда сильно холодало, сестры стелили ему свои теплые одеяла, но как этого могло хватить... Смотрела я на этот курятник и даже не думала о том, какой это подвиг жить в таких условиях. И настолько подходил этот курятник отцу Гавриилу, настолько он был в его стиле, что это казалась вполне естественным.

Однажды он подхватил куриных блох. Помню, стоял как-то во дворе и вытряхивал одежду. Слава Богу что так случилось, иначе он не вышел бы из этого курятника ещё долго. После этого случая сестры переселили его в башню, где не было ни пола, ни окон, ни отопления. Когда туда не зайдёшь, все время стоял затхлый влажный воздух. И как он только мог проводить зиму в этой ледяной башне?

Что касается винопития, — отец Гавриил на самом деле пил, я не раз видела это своими глазами. Со временем у меня поменялось к нему отношение, и я уже не сомневалась, что он пьяница. Несколько раз я видела его пьяным в стельку, но одно обстоятельство меня удивляло даже тогда. В жизни мне встречалось немало пьяниц, но отец Гавриил не походил ни на одного из них. Несмотря на развалившуюся одежду, он всегда был чистым и опрятным. Уму непостижимо, как сочеталось одно с другим. От него никогда не пахло алкоголем, и он не вызывал то чувство отвращения, которое обычно вызывают пьяницы.

Не бывало у него и похмелья. Он был «пьяницей», но совершенно иным.

Сейчас, когда думаю об этом, сдаётся, что тут тоже имело место какое-то чудо. Невозможно сочетать с одной стороны те многочисленные дарования, которыми владел отец Гавриил, и, с другой стороны, такую слабость, как пьянство. Немыслимо алкоголику совершать те чудеса, которые творил старец Гавриил. А он правда пил. И вот что мне думается: быть может выпиваемое им вино превращался у него во рту в воду? Рассказывают, что он все вынимал обратно в келии, но, во-первых, так было не всегда, а во-вторых, вино уже сделало бы свое дело на пути к келии. Поэтому мне кажется, что, коснувшись его уст, вино превращалось в безалкогольный напиток.

«На колени!»

В первое время юродивость отца Гавриила выражалась в том, что он почти всех ставил на колени. Наверное, я тоже входила в число «всех», хотя не припомню, чтобы часто оказывалась по его указанию на коленях. Хорошо помню про других:

— На колени! — его голос так гремел, что при всем нежелании, человек опускался на колени с готовностью и даже с охотой.

Тембр и звучание голоса, характерный выговор, и в

добавок к этому манеры, странный взгляд, то властные и яростные, то нежные и легкие движения рук, — все это покоряло людей мгновенно. Иногда он кому-нибудь спокойно говорил:

— Встань на колени, — и пальцем указывал на землю.

В это время его лицо озарялось удовлетворением. Через некоторое время говорил:

— А теперь поднимайся.

Однажды отец Гавриил взял нас, новоначальных насельниц монастыря Самтавро, в собор Светицховели. Как описать словами, что значила для нас дорога из Самтавро к Светицховели, и обратно? Это был путь, ведущий в рай. Отец Гавриил шёл впереди, а мы следовали за ним как овечки. С приподнятыми головами, гордые, счастливые, не боялись ничего, словно весь мир принадлежал нам. От радости мы шли чуть не вприпрыжку. Сам отец Гавриил радовался не меньше нас, весь сиял — наверное потому, что застал новое поколение молодёжи в монастыре. Он что-то говорил, махал руками, смешил нас; кажется, по дороге ещё кого-то поставил на колени, — одним словом был в своей стихии, юродствовал.

Когда зашли в храм, он то и дело ставил людей на колени и просил нас петь церковные песнопения (большинство из нас, новоприбывших в монастырь, были певчими). Выйдя из храма, мы столкнулись с группой молодых людей.

— На колени! — прогремел гром из уст отца Гавриила.

Все тотчас же подчинились, кроме одного парня. Видно, и он был не против, но как-то растерялся и то ли испуганно, то ли удивлённо посмотрел почему-то на меня. Я улыбаясь медленно кивнула ему, и он тотчас-же упал на колени. О, как отец Гавриил был доволен!

– Пошли! – прозвучал приказ, и мы вновь двинулись в путь.

Даже не помню, поднял ли он тех молодых людей обратно.

Тогда мы не думали о том, почему его странному требованию подчинялись все от мала до велика, мужчины и женщины, миряне и духовенство. Для нас это было естественно: раз старец Гавриил сказал, значит, так и надо. Но что значил этот приказ лично для каждого того человека? Он же не всех заставлял это делать. Видно, что в этом была какая-то цель, но какая?..

«Благовременне да безвременне»¹

Однажды мы стали свидетелями и такого случая. Служили Всенощную в маленьком храме Архангела Михаила; службу возглавлял духовник монастыря отец Давид (ныне владыка Даниил). Вдруг слышен хорошо знакомое «на колени!», и что мы видим: отец Давид опускается на землю, и с кадилом в руках ползает на коленях

¹ 2 Тим. 4:2

и кадит. Ряса путается у него в ногах, левой рукой пытается её поддержать, а правую руку, насколько это возможно, задирает вверх, чтобы была хоть какая-то возможность кадить. Какое было зрелище! А что мы, певчие? Задыхались от смеха, прячась друг за дружкой. Нам не следовало показывать это, но сдержаться было невозможно. Отец Гавриил, торжествующий и крайне довольный, наблюдал за происходящим.

Это был не первый и не единственный такой случай: служба не раз останавливалась из-за того, что мы, певчие, выходили из строя. Возможно, вторым проявлением юродивости отца Гавриила было то, что он смешил нас, молодых, причём неважно, где мы находились: во дворе, на трапезе, на молитве или где-то ещё. Но сам он никогда не смеялся: с улыбкой наблюдал как мы умирали со смеху. Он мог сказать или молча сделать что-то такое, что мы не в силах были сдержаться. Сколько раз священник выходил из алтаря и беспомощно смотрел на всё происходящее.

Однажды мы были в Шио-Мгвимском монастыре. Это было на масленице, на праздник преподобного Шио Мгвимского. Служили утреню, и вот священник произносит:

– Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим!

Начали петь «Честнейшую», и вдруг видим, что отец Гавриил ходит вокруг нас, держа в руках посох. То с одной стороны подойдёт, то с другой; то ближе, то дальше отступит и издалека за нами наблюдает. Этот факт уже

сам по себе был забавным, но мы чувствуем, что нас ждёт новое веселье, и всё главное ещё впереди. Стараемся не обращать внимания, сдерживаем улыбки. Тут он приближается и молча передает регенту свой посох. Мы начали тихо подхихикивать, но петь как ни в чём не бывало продолжать пока удавалось. Но не тут-то было.

– Поднимай! – приказывает отец Гавриил регенту, пятясь лицом к нам и не отрывая от наших лиц свой взгляд.

Она подчиняется, что остается делать, поднимает посох, а пение же продолжается. Тут несколько певчих уже не выдержали и присев на корточки, гогочут.

– Подними ещё! – командует отец Гавриил и показывает, как надо делать.

Регент левой рукой поднимает посох выше, а правой продолжает управлять хором, как ни в чем не бывало. Вот это было зрелище!

– Ещё выше! – прибавляет голос отец Гавриил и вновь делает рукой красивый жест.

Не помню остался ли к тому времени кто-либо в хоре, но помню, что когда регент подняла руку до конца, она уже и сама присела на корточках со смеху, и пение прекратилось. Вышедший из алтаря священник смущённо оглядывается. Где же певчие? На их месте виден только высоко поднятый посох, зато стоит очень довольный отец Гавриил. Спустя некоторое время он подошёл к нам и забрал назад свой посох.

Тогда никто из нас не задумывался, почему он вёл себя так именно во время службы. Почему он нас смешил? Для чего, или для кого это было нужно? Сейчас я точно знаю, что он ничего не делал и не говорил просто так. И очевидно, все это имело своё объяснение. Но какое? Это для нас было скрыто.

Например, однажды, когда литургия, кажется, уже началась, одна певчая опаздывала, у нас не было второго голоса и пение не получалось. Пришел отец Гавриил и строгим голосом, сделав соответствующее выражение лица, спрашивает:

– В чём дело?

– Нам второго голоса не хватает, отец Гавриил.

И вдруг за секунду отец Гавриил переменялся. Лицо озарилось улыбкой, он выпрямился как ребёнок и говорит нам как бы таким победным тоном:

– Я буду вашим вторым голосом!

Услышав это, мы рассмеялись и тем самым конечно создали препятствие для хода литургии.

Так он нас веселил «благовременно да безвременно» и сам при этом оставался доволен, словно совершил великое дело.

Первая Пасха в монастыре

До того, как моё отношение к отцу Гавриилу поменялось, я провела рядом с ним много радостных минут: иногда он проповедовал, разъяснял нам вопросы вероучения, иногда объяснял Священное Писание, поучал. Его рассказы были настолько красивыми и образными, что описываемые им события словно разворачивались перед глазами.

Однажды, перед Пасхой, в Великую Субботу, мы сидели у его келии, у курятника, под ореховым деревом. Эта была наша первая Пасха в монастыре. Кроме нас там ещё были духовные чада отца Давида. При взгляде на этих молодых людей моё сердце наполнялось радостью, так как среди них был и мой родной брат. Это было для меня большим утешением и милостью Божией, укреплением на моём новоизбранном жизненном пути. Я чувствовала двойную радость. Во-первых, из-за того, что мой брат – тоже член Церкви, а во-вторых, что в моём решении он, как и всегда раньше, сейчас тоже меня поддерживал. Позже, почти все присутствующие там люди оставили мирскую жизнь. Некоторые сейчас епископы, кто-то стал игуменией, некоторые – просто монахи и инокини.

Сейчас уже не вспомню, о чём конкретно мы говорили, но помню, что это были счастливейшие минуты нашей жизни. Счастливы были не только мы, но и отец Гавриил. Может быть тогда он радовался даже больше нас. Скорее

всего, он заранее видел наше будущее, и своим сладким и тёплым словом напаивал нас — молодых людей, духовно утомлённых, выросших под коммунистическим гнётом.

В 24:00 началось Всенощное бдение. Звон колоколов, крестный ход, мы с зажжёнными свечами обходим церковь и поём «Воскресение твое...». Народу было не так много: мы, насельницы монастыря, и часть прихода отца Давида. Сам отец Гавриил ничем не выделялся, вёл себя как рядовой член монастыря. В ту ночь он не юродствовал, даже не помню, что он делал.

Какие мы были счастливые! Вижу в ночной мгле озарённые свечами, сияющие улыбками лица; мы шагаем с усердным пением, которое величественно сочетается с могучим перезвоном колоколов... хотелось, чтобы это шествие никогда не заканчивалось. Наконец останавливаемся перед закрытыми воротами храма в ожидании чего-то крайне важного. Замолкают колокола. С трудом сдерживаем эмоции, и вот, в гробовой тишине слышится взволнованный голос отца Давида:

– Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельней Троице всегда, ныне и присно, и во веки веков!

И мы, что есть мощи, вместе кричим:

– Ааамииинь!

Гремит первое «Христос Воскресе!!!».

Господи, есть ли на свете где-то ещё большая радость?

Совсем скоро открываются «врата рая», мы с пени-

ем заходим в храм и занимаем свои места. Далее своим чередом идут утренняя и литургия, в конце мы все причащаемся. Помню, с какой радостью мы поздравляли друг друга:

– Христос Воскресе!

– Воистину Воскресе!

И мне казалось, что вокруг самые родные мне люди.

Надо отметить, что отец Гавриил как-то особым чувством умел говорить:

– Христос Воскресе!

И в это время его лицо так сияло! Он радовался, как никогда. Никого не пропускал, всех поздравлял лично.

После службы, наверное, последовала трапеза, – этого уже не помню, но помню трапезу утром, на балконе. Во главе большого стола сидел отец Давид, а слева от него – отец Гавриил. Кроме нас были и другие гости, мой отец тоже приехал, – отец Давид пригласил его на трапезу. Вообще, мои родители приезжали в монастырь каждые выходные, но на этот раз мамы почему-то не было.

Помню речь «поддатого» отца Гавриила, которая оттенила во мне пасхальную радость. Встав, он что-то говорил с бокалом вина в руках, и из его слов мне запомнилось только:

– Меня скоро не станет, и на моей могиле напишите: «Блаженны изгнанны правды ради, яко тех есть Царствие Небесное».¹

¹ Матфей 5,10

Эти слова он произносил не спеша, немного с грустью. Услышав их, мое сердце сжалось, появился внутренний протест: «Почему он должен умереть?! Нет! Нет! В этот пасхальный день смерти совсем не место!». Я так восприняла его слова, словно он собирался умирать буквально на днях. После этого случая отец Гавриил прожил чуть более 6 лет. Не пойму, что он хотел тогда сказать. Понятно, что память смерти неотъемлемо была с ним, даже в день Пасхи. Но, наверное, хотел и нас научить этому благому деланию: о смерти нужно помнить даже в самый счастливый день жизни. Так или иначе, в моё праздничное настроение примешалась грусть. Но потом отец Гавриил снова взялся за своё, и ко мне вновь вернулась пасхальная радость.

Такой была наша первая Пасха в монастыре – 30 апреля 1989 года.

Порча в Требнике

На следующий день, в светлый понедельник, кажется, после трапезы, отец Гавриил объявил, что надо отслужить панихиду на кладбище. Мы очень обрадовались! Для нас это был праздник. Взяли аналой, выстроились в ряд и так спустились на кладбище, расположенное прямо во дворе монастыря. Отец Гавриил вынес из алтаря Большой Требник, облачился в полное монашеское оде-

яние, и совсем скоро все мы разместились среди могил. Он встал в середине, у аналая, мы – рядом. Надо отметить, что монашеское одеяние полностью меняло отца Гавриила, он становился каким-то другим. Особенно клобук предавал его облику величественность, и мы уже не сомневались, что перед нами пришелец из другого мира.

Счастливые минуты! Приготовились, ждем возгласа, чтобы спеть первый «аминь», отец Гавриил открыл Требник, и вдруг...

- Что это такое! Порча! – закричал во весь голос.
- Что за порча, не может быть?! – засуетились мы.
- Точно порча! – поднял шум отец Гавриил.

Подбежали к книге и видим: на страницах лежат странным образом закрученные отрезанные волосы с белыми нитками внутри. Не было никакого сомнения, что это были принадлежности для наведения порчи на другого человека. Как бы это лично для меня не было немыслимым и невероятным, тем не менее это было так – в монастырской книге лежали магические атрибуты. К тому же они лежали в последовании панихиды, то есть один человек желал другому смерти. Начала думать: «Кто бы это мог сделать... наверное, какая-то ошибка, наверное, кто-то из мирян сделал». одним словом, глазами вижу, но сердце не может принять, не могу поверить. Тем временем отец Гавриил устроил настоящий переполох, все совсем забыли о панихиде. В конце он объявил:

- Унесите это и сожгите за воротами монастыря!

Так и закончилась эта история. Тогда естественно мы ничего не поняли, но сейчас догадываюсь: мы пошли на кладбище не для панихиды. Отец Гавриил повел нас туда как раз из-за этой порчи в книге. Ведь можно было сжечь нечисть и потом отслужить панихиду, как намеревались, но – нет. Почему-то он захотел избавиться от тех волос именно таким образом. Не знаю, кого он разоблачил этим, но понятно, что изначально все прекрасно знал. Монастырь в тот день просто сотрясался: порча в Требнике!

«40 поклонов»

Однажды, это было после Пасхи, были мы во дворе, недалеко от орешника, и вдруг отец Гавриил мне приказывает:

– 40 поклонов!

Надо признаться, земные поклоны мне давались с трудом. На третьем поклоне сердцебиение учащалось, а на пятом всё тело становилось таким тяжелым, что дальше уже с трудом, задыхаясь, кое-как могла сделать ещё немного. 10 – это максимум, далее я окончательно выбивалась из сил. Но в этот раз приказ отца Гавриила я приняла как награду, – с радостью начала класть поклоны. Причём я стояла на уклоне, но даже не подумала найти ровное место, прямо так, сразу, начала делать,

немедля. Тогда я не поняла, но сейчас осознаю, что все эти 40 поклонов были сделаны на одном дыхании. Как? Каким образом? Конечно же молитвами отца Гавриила. Единственная мысль, которая крутилась у меня в голове: нужно быстро и хорошо выполнить задание. Я понимала, что он меня испытывает, такие экзамены для нас, новоначальных, были весьма радостными. Я усердно считала поклоны, и положив последний, вся красная обернулась к отцу Гавриилу. Не знаю, какое у меня было выражение лица, но он крайне довольный, руки в боки, торжествуя улыбаясь, смотрел на меня, не отрывая глаз. Отец Гавриил не проронил ни слова, ну а я была счастлива, что благополучно выполнила его благословение.

Стояла весна. Помню, после этих поклонов у меня началась сильная аллергия, так как при выполнении благословения я стояла на траве и каждый раз, когда усердно падала на землю, моё лицо окуналось в траву. Но тогда и это меня не волновало. Рядом с отцом Гавриилом вообще ничего не волновало, ничего не пугало, ты чувствовал себя защищённым, и больше ничего не хотелось. Это было невозможно объяснить: почему хотелось быть рядом с ним? Что к нему тянуло? Почему благословение, которое с трудом можно было выполнить, воспринималось как награда? И вообще, существовали ли рядом с ним хоть какие-то трудности, сложности? Пожалуй, нет. Как так? Почему? Не знаю, но это так и было.

Пронесло

Однажды вечером сидели мы, новоначальные, у келии отца Гавриила (то есть около курятника), и сладко беседовали. Снова и снова – счастливейшие минуты моей жизни. Внезапно старец начал принимать публичную исповедь. Он ставил кого-либо из сестёр посередине с распростёртыми руками, задавал вопросы и сёстры, ответив на них, были вынуждены перед всеми признать свои тайные грехи.

Надо сказать, начинания отца Гавриила я всегда встречала с охотой: всё меня радовало, и при этом ничего не тяготило. Но это обстоятельство стало для меня испытанием. Сердце сжалось, осознав, что настанет и мой черёд. Перед всеми называть свои грехи я никак не хотела. Настроение пропало, и я скисла. Словно не только сердце, но и я сама вся сжалась и уменьшилась в размерах. Больше всего переживала, что изменилось и мое отношение к отцу Гавриилу. Появилось одно большое «Нет!», я больше не хотела быть с ним рядом, уже не могла его слушать, и думала лишь о том, что же предпринять, как выкрутиться, когда настанет моя очередь. Но отец Гавриил не дал. Что для него могло остаться незамеченным?... После такого устроенного несколькими сестрам «отсеивания», он незаметно перешёл к совсем другой теме, и я вздохнула с облегчением. «Пронесло», – подумала я, даже не поняв, как именно это случилось. А теперь по-

нимаю: отец Гавриил увидел моё сжавшее, встревоженное сердце и за секунду исцелил его, как будто ничего и не случилось, и продолжил всю ту же сладкую беседу.

Провинившаяся гостья

Одним ранним утром в монастырь приехала заплаканная молодая девушка с просьбой приютить её после случившихся с ней беды. Было заметно, что она ничего не понимает в вопросах веры и пришла в монастырь не для паломничества. Естественно, мы её приняли и оказалось, что у неё перерезана вена. После осмотра раны стало понятно, что без врача не обойтись. Матушки поручили мне следить за этой девушкой, ухаживать за ней. Мы пешком отправились в больницу, которая находилась неподалеку. Нашей несчастной гостье зашили рану и отправили нас обратно в монастырь.

По дороге она рассказала мне свою историю. Оказалось, что прошлой ночью её похитили. После того как всё закончилось, она ушла оттуда, зашла в какой-то двор и перерезала себе вену, так как не могла вернуться домой опозоренной. Я уже не помню, как именно она попала в монастырь.

После трапезы у нас было общее послушание: мы перебирали на балконе фасоль. Та гостья была с нами. Вдруг подошёл отец Гавриил, присел у нашего стола и

начал проповедовать. Не помню, чтобы он когда-либо подходил к нам во время послушания и затевал беседу. В этот раз, помню, он рассказывал о жизни святой Феодоры Александрийской, о которой он ранее никогда не упоминал, время от времени добавляя свои разъяснения. Запомнилась лишь одна фраза: «Господь видит и те грехи, которые были совершены под покровом ночи». Насколько помню, он повторил эти слова пару раз. Вдруг наша гостя, которая сидела рядом со мной, сказала, что ей нехорошо, и она пойдет, полежит немного в келии. Я подумала, что ей стало физически плохо, так как она ничего не ела и была совсем бледной. Днём за ней приехали родители – кое-как её нашли и забрали домой. Тогда я естественно ничего не поняла, но сейчас, спустя годы, понимаю, что отец Гавриил подошёл тогда к нам на послушание именно для этого человека. Он Духом Святым знал, что случилось с бедной девушкой и проповедовал лично для неё. Скорее всего своими разъяснениями он обращался к ней лично, и то ли поучал, то ли призывал ее к покаянию, а может быть – утешал.

«Подойди ко мне, монахиня!»

Однажды мы, новоначальные и, кажется, ещё несколько других сестёр, были в старой трапезной. Отец Гавриил пророчествовал о нас, новоначальных, пред-

сказывал, что мы станем монахинями. По одной он благословлял нас и добавлял пророчества. Я наблюдала за происходящим сбоку. Как подошла сама, и что он мне сказал, совершенно не помню, но особенно запомнилось благословение двух других сестёр. Одной из них отец Гавриил сказал:

– Ты будешь монахиней, но простой монахиней и умрёшь в монастыре.

А ко второй сестре он обратился так:

– Подойди ко мне, монахиня, но только через 12 лет монахиня, подойди!

И благословил эту сестру.

Вообще мы, новенькие, тряслись от страха, слышав слово «монахиня», не могли поверить, что это когда-нибудь случится. Всё время боялись, что не сможем, что нас выгонят, что не осуществится наше монашество. Но то, как мы этого хотели, знает лишь Бог. Поэтому такие слова отца Гавриила как: «монахиня», «ты будешь монахиней» – были для нас большой надеждой, утешением, подбадриванием и укреплением нашего духовного рвения. С одной стороны, я не очень-то верила пророчествам, так как тогда считала, что пророков больше нет. Но, с другой стороны, когда отец Гавриил сказал – «монахиня, только через 12 лет монахиня», про себя я подумала: «Почему так много? Что она будет делать все эти 12 лет? Почему 12, и почему именно эта сестра? Что он такое говорит?»

И что же случилось? Через пару лет мы уже готови-

лись к первому постригу. Та сестра была среди постригавшихся, её одеяние было готово, был назначен конкретный день, и вдруг, по ряду причин и по благословению Святейшего, в постриге ей было отказано. Эта была настоящая трагедия в монастыре. Мы все стали монахинями кроме неё. Её постриг был отложен на 12 месяцев¹ и совершился только в следующем году.

Наши духовные наставники

До прихода в монастырь мы были прихожанками храма святого Михаила Тверского в Тбилиси. Нашим духовным отцом был протоиерей Зураб, ныне архимандрит Василий. Надо отметить, что он никогда не говорил с нами о монашестве, но примером своей жизни молча наставлял нас на этот путь. Нашим первым, так сказать, «монастырём» был храм святого Михаила Тверского. Там мы выросли как христиане и как будущие монахини, там была заложена основа нашей духовной жизни, и на этой основе в дальнейшем было построено крепкое здание нашего монашеского жития.

Ну а первым человеком, заговорившим с нами о монашестве, был Патриарх Илия II. Именно его молитвами

¹ Иногда предсказание святых имеет символическое значение. В данном случае главным было то, что постриг откладывался, а для нас те 12 месяцев воистину показались 12 годами.

и заступничеством мы удостоились чести пойти в монастырь и стать монахинями.

Ещё задолго до того, как мы ушли в монастырь, Святейший заметил в нас склонность к монашеству, в связи с чем начал уделять нам особое внимание. Он очень любит монашескую жизнь. Увидев в наших сердцах маленькую искорку, он тотчас же стал раздувать её, пока наконец не разгорелось пламя. Надо сказать, что Святейший действовал с мудростью и осторожностью. Ведь хотя мы, несколько молодых девушек, очень хотели монашеской жизни, одновременно и боялись её. Он предвидел этот страх и всячески старался нас не спугнуть. Потихоньку притягивал нас и помогал сделать этот шаг. А потом, со дня прихода в монастырь мы были под постоянным его присмотром: Святейший часто приезжал к нам, справлялся о том, как мы живём, наставлял, вдохновлял. Встречая его в монастыре, у нас, начинающих, никогда не возникало чувство, что вот приехал Сам Патриарх, Глава Церкви. Мы всегда ощущали, что это отец приехал к своим детям. Он вёл себя с нами настолько непосредственно и по-отцовски, что и мы волей-неволей чувствовали себя рядом с ним свободно. Каждый из нас мог поделиться с ним своими мыслями и сердечной болью.

Иногда, обходя келии, Святейший мог внезапно проверить, чисто ли постельное бельё на кроватях; мог отодвинуть шторы, посмотреть, убраны ли подоконники, все ли

в порядке в целом. Иногда делал замечания, давал советы, — и вот так, по-отцовски, воспитывал и обучал нас. Он беседовал с нами не только о духовных вещах, но и о бытовых, каждодневных вопросах. И надо сказать, что большую часть внимания он уделял послушанию.

— Если вашим начальником назначат палку, вы и её должны слушаться. Вот что значит послушание! — сказал он нам однажды.

Святейший присутствовал на всех постригах. На первых монахинь, — их было девять, — он сам лично своими руками надел параман. Никогда не забуду его спокойное, улыбающееся, многозначительное выражение лица. Он был нашим покровителем, и весь монастырь был словно окутан его молитвами.

Когда мы, молодые, обосновались в монастыре Самтавро, Святейший назначил духовником монастыря отца Давида, — человека, у которого, можно сказать, личной жизни не было. Вся его жизнь — это приход и монастырь. Три дня в неделю (пятницу, субботу и воскресенье) он проводил у нас в Самтавро. Его приезд для нас был как восход солнца. Когда слышали чьё-то радостное восклицание: «Отец Давид приехал!» мы сразу всё бросали и сломя голову сбегали по нашим длинным ступенькам, чтобы встретить его и взять благословение. По субботам, после трапезы, он собирал нас вместе и что-то читал или рассказывал. Какие мы были счастливые! Насколько радостными были для нас эти собрания!

– Сегодня будет собрание! – восклицала какая-нибудь из сестёр.

– Всем собраниям собрание! – присоединялась другая.

Иногда беседы выходили такими интересными, что мы не хотели расходиться.

– Да, но вас же ждут послушания, разве вам не пора? – спрашивал слегка смущённо отец Давид.

– Нет, нет, пожалуйста, потом пойдем, потом, куда спешить?! – просили мы.

– Ну ладно, так и быть, – с улыбкой соглашался отец Давид.

Это было наше духовное детство: безоблачное, беззаботное, солнечное. Отец Давид был нам всесторонней опорой, отцом нашего большого семейства, состоявшего из шаловливых, радостных и непоседливых детей. Сколько он нас терпел, сколько раз прощал, сколько раз закрывал глаза на наши проделки, сколько всего он сделал для нас – только Господь знает. Изначально он сам распределил нас по келиям, предусмотрительно и тщательно. Он же сам давал нам послушания, выслушивал все наши проблемы, всю нашу боль с большим вниманием, всегда подыскивая для каждого из нас добрые, ободряющие слова. Казалось, его силы неиссякаемы, хотя часто от усталости он еле держался на ногах.

Помню, шёл наш первый год в монастыре, и на праздник святой Нины отец Давид раздал всем нам подарки. Он собрал нас в старую молитвенную комнату, сперва по-

читал отрывки из жития святой Нины, а потом передал каждой из нас бережно завернутые маленькие свёртки. Мы дрожали от радости и как маленькие дети показывали друг другу:

– Вот, что мне досталось! А вот что у меня!..

Незабываемые минуты!

И ещё однажды, кажется, осенью, он приехал с Афона и всем нам привез красивые четки – черные, украшенные красными вставками. Давно подвизавшимся в монастыре матушкам – четки-сотницы, а нам, молодым – по 33 бусины. Тогда это было большой редкостью. Афонские четки! Значит, мы уже почти монахини!

До сих пор храню этот драгоценный подарок, но разве может быть подарок ценнее, чем любовь отца Давида?

И наконец, ещё одним нашим духовным наставником, воспитателем и духовным руководителем был отец Гавриил. Но тогда я ничего об этом не знала. Лишь теперь я понимаю: он был, так сказать, невидимым, безымянным наставником. Он незаметно воспитывал, возвращивал, защищал и присматривал за нами. На первый взгляд всё выглядело так, как будто мы его приютили, а на самом деле, это он дал нам кров, принял нас в свои объятия и остаётся с нами неразлучно по сей день.

«Золотой» приход

Поскольку мы в предыдущей главе упомянули приход отца Давида, теперь отступим немного от повествования и двумя словами вспомним тех людей, которые преданно поддерживали нас в те годы.

Это был приход тбилисской церкви Сиони, – одна духовная семья, члены которой были тесно сплочены вокруг своего духовника. Они сильно походили на христиан первых веков. Эти, преданные Церкви, полные жизненных сил, верующие молодые люди с горящими сердцами творили много добрых дел под руководством отца Давида. Отдельно хочу вспомнить одно из них – «средники» (по подобию «субботникам»). До ухода в монастырь мы тоже не раз в них участвовали.

Каждую среду, отец Давид вместе со своим приходом отправлялся в путь с какой-либо задачей. Иногда это была очистка какого-нибудь заброшенного храма, иногда наоборот – помощь настоятелю недавно открытого монастыря или храма; иногда ещё куда-то. Когда стали открывать новые храмы, мы уезжали на «средники» уже и по воскресеньям, ездили и в другие епархии для помощи местным жителям в богослужении.

Итак, после нашего прихода в монастырь вслед за нами перевели из Сиони в Самтавро и отца Давида. Теперь прихожане Сиони каждые выходные спешили уже к нам, во Мцхета. Здесь же замечу, что к этому времени трое из

них, молодые девушки, наши духовные сестры: Кетеван Махвиладзе, Нино Микеладзе и Кетеван Гелашвили, поселились в монастыре вместе с нами (теперь они – Игумения Бодбийского монастыря Феодора, Игумения Тбилисского Преображенского монастыря Мариам и монахиня Анастасия).

И вот, прихожане отца Давида спешили к нам, с одной стороны, чтобы помолиться на богослужении, а с другой – чтобы помочь. Часто бывало и так, что они приезжали в середине недели. Что бы мы делали без их помощи?.. Как бы преодолели те трудности, которые мы, новенькие и совершенно беспомощные, постоянно встречали на пути пока ещё совсем незнакомой для нас монашеской жизни? Кто перечислит и опишет всё то, что эти люди сделали, служа нам? Кто сможет по достоинству оценить их труды? Кто сможет описать ту любовь и заботу, которую они проявляли к нам? Парни помогали физическим трудом, девушки – заботой о повседневных делах. Это был настоящий рой пчёл во главе с пчелой-маткой. Их подвиги воистину неоценимы. Никогда не забуду их сияющие лица, их отвагу и постоянную готовность чем-то услужить, помочь. Это был по-настоящему «золотой» приход.

Сложно выделить кого-то особо: все стояли в одном ряду как воинство Христово первых веков. И все же отмечу нескольких, – тех, кто позже преклонил голову сладкому бремену монашества. Их имена: Гиви Киквадзе, ныне митрополит Иосиф, Илья Чантурия, ныне митро-

полит Исаия, Паата Пачуашвили, митрополит Николай, Григол Нинидзе, ныне иеродиакон Пётр; кроме них двое – Манана Месхишвили и Марина Зедгенидзе – ныне обе игумении – обе Елизаветы и ещё Лали Напетваридзе, ныне монахиня Елена.

Да воздаст им всем Бог во сто крат и в этой жизни, и в жизни вечной!

«Сестра и Мать!»

Когда мы пришли в монастырь, мы застали там семь монахинь, одну инокиню, четырех послушниц (среди них лишь одна молодая) и одну юную девушку нашего возраста. Кроме этих двух и инокини Нино, которой к тому времени было около 40 лет, все остальные были в возрасте. Матушка Нино, позже монахиня Кетеван, наша будущая игумения, несколько лет жила в Патриархии, после чего Святейший перевел её в Самтавро, – видимо готовил к игуменству.

Монастырь принял нас, молодых, с любовью. Матушки не могли на нас нарадоваться и буквально носили на руках, но матушка Нино среди них выделялась особо. Как я уже отметила, сначала мы всего боялись и на всё смотрели широко открытыми глазами. И вот, матушка Нино оказалась как раз тем человеком, который полностью рассеял наши страхи. Словно взяв наше бремя на

себя, она всячески нас подбадривала, чего только не рассказывала, объясняла и учила. Мы, новоначальные, жили на втором этаже, она – на первом, и каждая встреча с ней приносила особенную радость. Матушка была нашей надеждой и упованием. Не забуду её всегда улыбающееся лицо, её постоянную готовность услужить. Она общалась с нами на равных, хотя была старше на 15-16 лет, и мы чувствовали с ней себя так же свободно, как с родной сестрой.

Прошли годы, и матушка Нино стала игуменией Кетеван. И хотя это был выбор Святейшего, мы в любом случае единогласно выбрали бы именно её. После поставления во игумении, отец Гавриил обращался к ней уже иначе:

– Сестра и мать!

Вообще, он ко всем женщинам обращался «Сестра!», – будь то мирянка или насельница монастыря, а игумение таким обращением он выражал особое почтение. Он хотел, чтобы мы впитали отношение к игумение не только как к правительнице монастыря, но, в первую очередь, как к матери. Мы же не знали, как правильно общаться с игуменией, как с ней себя вести. И вот, отец Гавриил первым подал пример и показал, какое отношение у нас должно быть к игумение. Он растил и её, и нас.

С матушкой Кетеван, как с игуменией, мы прожили чуть более полутора лет, после чего переехали в Чиатура, в монастырь Мгвимеви (об этом подробнее расскажем в

следующих главах). Надо сказать, что её теплота и любовь не покинули нас и тут. А через какое-то время она нас навестила и благословила наш новый монастырь.

«Мать Рахиль... и Татьяна»

Отец Гавриил придумал своеобразное прозвище и ещё одной сестре. Эта была старейшая монахиня, всеми уважаемая мать Рахиль. В глубокой старости её постригли в великую схиму с именем Сусанна, а в свое время в миру её имя было Татьяна. И хотя она давно уже была монахиней, большинство людей все ещё называли её мирским именем. Некоторые даже называли ее «матушкой Татьяной», и очень редко кто к ней обращался: «мать Рахиль!» – кажется, это были только мы, новопришедшие. Что же сделал отец Гавриил, этот неповторимый человек? Он взял и соединил эти два имени, сделав их одним целым: «Мать Рахиль и Татьяна». Но главным было то, как он произносил эти слова. Это был настоящий спектакль! Отец Гавриил разводил руками, кивал из стороны в сторону головой и медленно, спокойно, очень чётко, со своей неповторимой интонацией начинал:

– Мать Рахиль... – тут он приостанавливался, поглядывал на нас, и с красивым движением руки заканчивал: – и Татьяна!

Иногда он включал этот пассаж в какое-нибудь пове-

ствование, иногда возглашал просто так; порой он придавал этим словам несколько трагический оттенок, и это было таким зрелищем, у него бывало при этом такое выражение лица, что мы не могли сдержать смех. Если это происходило в присутствии матушки Рахиль, мы даже боялись, как бы её не обидеть, чтобы она не подумала, что мы смеёмся над ней. Но наша добрая старушка скорее всего догадывалась, почему мы смеёмся. Это изобретение отца Гавриила мы, молодые, сразу подхватили и то и дело повторяли, пытаясь скопировать старца, его интонацию, но это было невозможно.

Тут хочу добавить пару слов про мать Рахиль – то есть про схимонахиню Сусанну. Её светлый облик для меня по сей день незабываем.

После прихода в монастырь нас сразу предупредили, чтобы мы держались молодцом и не боялись Татьяны, – это мы слышали от самых разных людей. Не знаю, почему о ней шла такая молва, кто что про неё сочинил, но на меня это определённым образом подействовало. К тому же, когда я увидела её строгое, морщинистое и иссохшее от постов лицо, можно сказать, что я уже была готова к самому худшему. Но что же случилось? В первый же день я столкнулась с любовью и заботой этой «страшной» Татьяны.

Гостевая келия ещё не была обустроена, и в первую ночь мне и ещё одной сестре, Кетеван, пришлось спать в трапезной, – там как раз стояли две тахты. И вот, нас

завели в трапезную, и мы видим завёрнутую в шаль маленькую старушку, которая стоит в углу и робко улыбается. Узнав, почему нас сюда привели, она сразу засуетилась: своими иссохшими руками вытряхнула обе тахты, и не знала, чем ещё выразить свое доброе к нам расположение. Она не ушла, пока не убедилась, что мы пристроены.

– Вот тебе и Татьяна! – переглядывались мы с Кетеван.

Но это было лишь началом проявления её заботы. После этого мы постоянно находились под её присмотром. Она была не только старейшей среди матушек, но и самой давнишней обительницей монастыря. После Вечерни она часто оставляла нас в молитвенной комнате (тогда мы молились в старой, маленькой молельне, которая на самом деле была одной из келий матушек), сажала нас рядом с собой и много всего рассказывала. В беседе не раз говаривала:

– Вот бы дожить до вашего пострига!

И Бог услышал её просьбу. Она дожила не только до нашего пострига, но и до пострига многих других молодых девушек, пришедших в монастырь после нас.

Мы были её отрадой и надеждой, её «посохом старости», а она – нашей «сладкой бабушкой». Она всё время нас одаривала, постоянно старалась чем-то порадовать, чем-нибудь помочь. Да воздаст Господь во сто крат её светлой душе!

Отец Гавриил и мать Рахиль – и всё-таки кем были эти

две личности, эта дорогая пара! Эти два монаха, сошедшие из старых времён; два подвижника старой закалки; Оба они знали цену друг друга и чтили подвиги друг друга. Отец Гавриил всех смирял, добирался даже до самой игумении, но мать Рахиль – никогда. И я в свою очередь никогда не замечала хотя бы малейшего недовольства от матушки Рахиль по отношению к отцу Гавриилу. Не замечала я также, чтобы они особо разговаривали. У них был какой-то другой, свой язык, свои скрытые от нас отношения. Иногда они сидели рядом в храме, не разговаривая, но создавалось впечатление, как будто в это время они сердечно о чем-то беседуют.

Итак, эти два благоухающих цветка, эти чистые лилии: отец Гавриил и «мать Рахиль... и Татьяна» – бесспорно были гордостью и украшением нашего монастыря.

Глухая стена

Таким образом, первые месяцы после появления Отца Гавриила были для меня блаженством, светлым детством. Тут были радость новоприбывшей, первые дни в монастыре, первые шаги: мы даже не ходили, а буквально летали! И вдобавок к этому – отец Гавриил со своим большим сердцем. Он опекал нас как наседка цыплят.

Но однажды, я узнала, что отец Гавриил душевнобольной. Причём услышала это я от человека, слова которого

не вызывали никаких сомнений. И вот, с этого дня между мной и отцом Гавриилом возникла глухая стена, – всё прежнее закончилось. С этого дня именно таким стал восприниматься мной великий старец вплоть до 2013 года, когда я прозрела и признала его святым. После того дня можно сказать, что у меня больше не было с ним никакого общения, разве что по необходимости. Сам он тоже изменился по отношению ко мне и это было проявлением его любви: он так со мной общался, будто до того у нас не было никаких отношений. До того, как возникла эта стена, он давал мне разные прозвища, иногда что-то поручал, веселил и подбадривал. Если бы он не появился в Самтавро, кто знает, как сложилось бы наше монашество... Тогда нет, но теперь твёрдо верю, что он пришёл в монастырь ради нас; пришёл, чтобы помочь нам в нашей монашеской жизни, чтобы защитить нас от всякой опасности и напасти.

Между прочим, за несколько недель до нашего приезда, в монастыре поселилась одна девушка. В то время она была единственной молодой среди пожилых и стареньких сестёр. Сейчас она монахиня. Позже она открыла мне такую тайну: незадолго до нашего приезда она, оказывается, решила безвозвратно уйти из монастыря, даже собрала сумку. Но когда отец Давид сказал ей, что в монастырь собираются поступить её ровесницы, это её остановило, – решила немного подождать с уходом, а потом и вовсе осталась.

Мы были первым монашеским поколением после советских гонений. В то время в Грузии почти не было монастырей, почти не было и монахинь, — начать монашескую жизнь было непросто. Отец Гавриил в течении годов ходил в разрушенные и оставленные монастыри, служил там и молил Бога об их восстановлении, и вот теперь исполнилась его мечта, перед его глазами молодые встали на путь монашеской жизни.

Теперь думается, что без отца Гавриила мы не смогли бы ничего. Он был с нами, помогал делать первые шаги, проложил для нас тропинку, был нашим пастырем, и, можно сказать, сам нас постриг, так как присутствовал на всех постригах, и в конце проводил нас во Мгвимеви. Одним словом, он сделал для нас всё, несмотря на то, что некоторые из нас, и в особенности лично я, во время его земной жизни не ценили его. Он всё равно не оставил нас, был с нами до конца и по сей день не оставляет.

Когда мы переехали во Мгвимеви, записали его в монастырский помянник. Зачем ему, святому, нужны были наши молитвы? Наоборот, они нужны были нам, и отец Гавриил внушил нам эту мысль, — это тоже было выражением его любви к нам. А после того, как его причислили к лику святых, нас не раз посещали то его святой жилет, то пиджак, то головной убор. Это для нас большая радость, что он, нами униженный, нами оскорблённый, нами отреченный, изволил таким образом нас утешить. А в конце, вдобавок ещё и удостоил нас иметь в монасты-

ре церковь его имени: это же было нашим давним заветным желанием. Его святыми молитвами мы скоро завершим строительство маленькой часовни в гроте. Между прочим, строителем этой часовни является мэр города Чиатура господин Гиви Модебадзе.

Без старца Гавриила

Начался сложный период в моей жизни — без отца Гавриила. Мало помалу он стал для меня тяжестью, так как постепенно сменил формы юродства и иногда слишком сильно «безумствовал», взбудораживал весь монастырь, устраивал беспорядки, ночью не давал спать, днём мешал и в труде, и в молитве. Сколько раз он врывался в молитвенную комнату во время общей молитвы и устраивал переполох, сколько раз так же врывался в храм... Тогда я думала, что он сошёл с ума, поэтому мешал нам и ставил всё вверх ногами, но теперь догадываюсь, что он как раз всё упорядочивал, ставил всё на свои места, всячески помогал и вместо нас боролся со злыми духами. Кроме этого были и бесконечные застоля, и гости вокруг него, непрерывный кутеж и шумиха — это непросто было терпеть. Под конец дело дошло до того, что когда он на время покидал монастырь, я вздыхала с облегчением, а когда он возвращался — ужасалась, не хотела, чтобы он вернулся. Хотя нужно сказать, что у

него бывали и периоды покоя — в это время он снова становился незаметным.

Конечно, странно то, что пусть я и не хотела, чтобы он возвращался, пусть изменила к нему отношение, всё же осталось что-то такое в отце Гаврииле, что снова тянуло к нему, не давало полностью вычеркнуть его из своего сердца и жизни. Он владел какой-то силой, каким-то странным величием. Во время юродства его глаза ясно давали понять, почувствовать эту силу. А когда он не пил, менялся полностью, его лицо как бы освящалось и от него исходило неземное спокойствие. Этот человек словно что-то скрывал глубоко в себе. И что же это была за сила?.. Наверное, его внутренняя молитва.

Так или иначе, отец Гавриил и в этой своей «душевной болезни» и в «пьянстве» не терял то достоинство, которое невольно вызывало к нему уважение.

Однажды, у моей метлы слетела ручка, а мне как раз нужно было на послушание. Я увидела отца Гавриила, — кажется, он мастерил рамы для икон у своей башни. По правде говоря, я не должна была обратиться к нему из-за той самой «глухой стены», но я всё-таки подошла и попросила помочь починить метлу. В этом и было его смирение: всегда по любому вопросу можно было подойти к нему как к последнему слуге. Он был рабом и прислужником всех. В то время он не пил, лицо его было белым и каким-то сияюще чистым.

— Отец Гавриил, сможете починить мне метлу?

– Конечно, сестра, – вскочил он, сию же секунду взял её, сразу починил и вернул:

– Держи, сестра.

Как он говорил это слово «сестра», с каким чувством и выражением! Прямо в сердце попадало. Он так взял эту метлу и потом так её вернул, что ни разу не взглянул мне в лицо. Когда отец Гавриил юродствовал, смотрел прямо в глаза, а теперь вёл себя как монах.

«Великие» иконописцы

Через пару лет после прихода в монастырь мы стали изучать иконопись. Написали первые иконы, получили заказы. Несколько раз брали уроки у известного иконописца отца Лазаря. И вместе с этим в наши сердца незаметно прокралась гордыня: мы стали считать себя достойнейшими иконописцами. При написании икон мы соблюдали все соответствующие каноны и свысока смотрели на иконы, при написании которых эти правила соблюдены не были – мы даже не считали их иконами.

И как-то раз одной сестре, которая сама иконы не писала, в голову пришла такая мысль: образы иконостаса нашего большого храма неканонические, они не соответствуют нашему монастырскому окружению, их пора заменить на новые, канонические образы. Все мы, и в первую очередь я, сразу же с большим восторгом приняли это «ниспосланное Богом» предложение.

– Конечно же надо менять!

И с большим воодушевлением мы начали об этом думать, обсуждали, как и что следовало предпринять.

Старые матушки были против этой идеи. Им были важны старина и историческое наследие монастыря, а каноны и законы их не так сильно волновали.

Но для нас это сопротивление не показалось препятствием. И до того много раз у нового и старого поколений бывали разногласия, и чаще побеждали мы, молодые, ведь именно мы были главными искателями и поборниками монастырских правил и традиций. И в данном случае нами двигали все те же побуждения: восстановить, вернуть в монастырь старинную, по-настоящему каноническую иконопись. Поэтому, в правильности нашего решения, так же, как и в нашей «победе», сомнений не было.

И что же случилось? Как выяснилось, отец Гавриил тоже не был сторонником менять иконы, но нам он об этом не обмолвился ни словом. Он поступил иначе.

В одно прекрасное утро во дворе слышен крик отца Гавриила:

– Иконы иконостаса мироточат!

Да, именно те образы, которые в нашем воображении уже были сняты со своих мест и заменены каноническими шедеврами «великих» иконописцев.

Первая мысль, которая пришла в голову, изобличала меня: «Да, но мы же собирались их менять?..» Далее мы начали выискивать, выяснять, было ли это действительно

но миро. Одна из сестёр даже высказала предположение, что это чудо возможно сотворил бес для того, чтобы люди подумали: зачем нужны канонические иконы? Вот, неканонические тоже мироточат. И, мол, таким образом постепенно, мало помалу в церковь придут и осядут неправильные иконописные каноны. Эта мысль мне очень понравилась, я с ней согласилась. Но факт оставался фактом: из икон исходила масляная, нежно благоухающая жидкость, то есть миро. Пока я сама лично не взяла его пальцем с одной из икон и не помазалась им, не могла поверить, что это действительно миро.

Вот так пристыдил нас отец Гавриил. Что мы тогда понимали... Но теперь не сомневаемся, что это чудо случилось его молитвами. Несколько недель продолжалось мироточение. Откуда только не приезжали священники со своими приходами послужить молебны... Ни до, ни после, эти иконы больше не мироточили.

Разве не мог отец Гавриил «прогреметь» своим «нет!», или обличениями сравнять нас, «великих» иконописцев, с землёй или заставить нас немедленно замолчать его любимыми словами: «Кто дал вам право!?» ... Думаю, в этом случае мы бы просто подчинились его власти, но это было бы насилием, – в сердце мы бы остались носителями той же гордыни (или ещё чего-то большего). А наш мудрейший среди мудрых устроил так, что смирил именно наши сердца, к тому же без всяких слов. И мы, крайне пристыженные, не могли и слова сказать, замолкли навсегда.

«Это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошёл. Они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу, и в устах их нет лукавства; яко они непорочны пред престолом Божиим»

